

— Пропало? — Да Хэй помахал хвостом, поманил лапой малыша-женьшеня и, когда тот подошёл, выдрал у него косичку с головы и протянул Линь Сяну. — Съешь, чтобы больше не болтал глупостей.

Малыш-женьшень, прижимая голову руками, разрыдался в углу. С таким трудом отрастил несколько волосков...

Линь Сян устался на корешки женьшеня перед собой, и лицо его позеленело.

Выйдя от Ли Эра, Линь Сян всю дорогу думал о девятилистном линчжи. Хотя раньше у него не получилось вырастить линчжи из грибов, это не значит, что другого способа нет. Ведь из редьки удалось вырастить женьшень, так что возможно всё! Но когда он поделился этой мыслью дома, Да Хэй без лишних слов отверг её.

— Твоя жизненная сила пропитана духовной энергией тысячелетнего нефритового мозга, и каждая её капля бесценна. Даже для малыша-женьшеня это расточительство, а ты ещё хочешь выращивать линчжи для Ли Эра? Ты что, опять попался на его персиковый морок? Или что-то другое?

— Да Хэй, я не помутился рассудком, правда.

Линь Сян долго объяснял, но Да Хэй всё равно не верил, считая, что Линь Сян попал в ловушку Ли Эра. В конце концов, Линь Сян достал несколько пилюль, которые дал ему Ли Эр, и выложил их перед Да Хэем. Увидев шесть зелёных пилюль, Да Хэй замер, а затем с серьёзным видом произнёс:

— В них есть демоническая энергия!

— ...Да Хэй... ты что, заболел?

Да Хэй проигнорировал насмешку Линь Сяна, пододвинул одну пилюлю и внимательно её осмотрел. Ему казалось, что с этими пилюлями что-то не так, но по сути они действительно полезны для организма. Однако почему он ощущает на них демоническую энергию? И эта энергия кажется знакомой...

— Ладно, в прошлый раз пилюли для здоровья, которые дал мне Ли Эр, были хорошими. Но он сказал, что для их изготовления нужен девятилистный линчжи. Вот я и думаю, как быть. Эти шесть пилюль, говорят, похожи по эффекту на те, что были раньше. Я завтра отправлю их домой, посмотрим, как они подействуют. Если не сработает, я всё же попробую вырастить линчжи. Это всего лишь несколько капель крови...

Линь Сян осторожно убрал пилюли, закрыл коробку и положил её в ящик. Посмотрев на часы, он устроил малыша-женьшеня и Цинцзи, а затем вместе с Да Хэем вошёл в нефритовую табличку. В прошлый раз, сбежав от Лу Цзиньяна с помощью рыбы Хэнгун, он забыл поблагодарить её. Теперь рыба дулась на него. Линь Сян попросил Цинцзи поймать несколько рыб и отнести их Хэнгун, надеясь, что она успокоится. Иначе её громкие жалобы в нефритовой табличке станут настоящей проблемой. Не только он сам не сможет спокойно совершенствоваться, но и Инчжао, охраняющий дерево Инь-Ян, пожалуется на неё. Если так пойдёт дальше, он сойдёт с ума, став первым в истории Инчжао, которого довела до безумия рыба Хэнгун. Это было бы слишком позорно.

— Хэнгун, я пришёл. Ну, всё ещё сердисься? Принёс тебе рыбы, ну, успокойся...

Услышав голос Линь Сяна, Хэнгун махнула хвостом, прыгнула в пруд и быстро опустилась на дно.

Линь Сян, держа в руках двух рыб, стоял у пруда с неловким выражением лица. Да Хэй же сидел рядом, всё ещё сердясь на Линь Сяна за его упрямство в вопросе выращивания линчжи. Линь Сян потёр нос. Что за черт? Все такие капризные, а ещё божественные звери! Он больше не будет им угождать, пусть делают, что хотят! Живут за его счёт, едят его еду, а когда попросил помощи, ещё и обижаются!

Хэнгун его игнорировала, и Линь Сяну стало скучно говорить самому с собой. Он бросил рыбу в пруд, подошёл к краю леса, сел, скрестив ноги, и закрыл глаза, начав циркулировать духовную энергию. После одного цикла его мысли успокоились, на духовной платформе больше не было мутной энергии, дыхание Линь Сяна стало глубоким, а душа словно погрузилась в безграничный мир. На духовной платформе белая духовная пилюля уже растворилась, но собранная энергия всё ещё окружала её след, продолжая циркулировать.

Каждый раз, погружаясь в медитацию, Линь Сян ощущал, будто растворяется в воздухе. Да Хэй говорил, что, если есть возможность, лучше найти уединённое место, войти в нефритовую табличку и долго медитировать, пока не проснёшься естественным образом, а не так, как сейчас, всего на несколько часов в день. Услышав это, Линь Сян лишь горько улыбнулся. Он не монах и не отшельник, у него нет таких условий и времени.

Линь Сян спокойно сидел, его лицо расслабилось, а тело медленно окуталось сиянием голубой духовной энергии. Хэнгун всплыла со дна, подплыла к краю пруда и, держа в руках двух рыб, брошенных Линь Сяном, смотрела на него с непростым выражением. Да Хэй подошёл к ней и похлопал по плечу.

— Ты чего ещё дуешься? Не забывай, чтобы получить то, что хочешь, ты не должна с ним ссориться. Иначе, даже если я уже согласился на условия твоих родителей, без его согласия никто ничего не сможет сделать. Поняла?

Хэнгун опустила голову, надув губы. Хотя ей хотелось возразить, она не нашла, что сказать.

За пределами нефритовой таблички малыш-женьшень проверил поле с женьшенем, посадил несколько семян и, потирая пухлые ручки, собирался вернуться в дом, чтобы посмотреть телевизор с Цинци. Вдруг он замер, повернулся к двери и громко крикнул:

— Какая нечисть?!

Цинци, услышав голос малыша-женьшеня, выглянул из окна. Три трёхногих круглых котла, стоящих у окна и внутри комнаты, одновременно испустили несколько лучей белого света. На их горловинах появились три красных облачка, которые слились в одну красную сеть, быстро полетевшую во двор и зависшую у ворот, словно ожидая момента, чтобы накрыть захватчика.

Малыш-женьшень всё ещё пристально смотрел на место, где находилась красная сеть, его маленький рот приоткрылся, и можно было разглядеть острые клыки. Цинци, посмотрев некоторое время, почувствовал беспокойство, поманил жёлтого коня с одним рогом и, сев на него, остался у окна. В его руке вспыхнул жёлтый свет, и появился лук, в два раза выше его самого. Натянув тетиву, он положил на неё стрелу, созданную из духовного света, с перьями чудовища Гуйчэ на конце. Его большие глаза прищурились, а рог на лбу коня испускал холодный свет, направленный прямо на красную сеть.

Время шло, вдруг под красной сетью произошло движение, и густой чёрный дым с неприятным

запахом гнили начал распространяться в воздухе.

Малыш-женьшень бросил в центр чёрного дыма сгусток белого света, одновременно красная сеть опустилась и сжалась, а стрела Цинцзи вылетела из лука. Три силы объединились, мгновенно рассеяв чёрный дым. Однако рассеянный дым не исчез, а стал ещё гуще, а запах в воздухе — ещё более резким. Затем раздался странный смех.

— Хе-хе... Здесь есть запах Синь Фэна...

Малыш-женьшень только успел крикнуть «плохо», как его маленькое тело было поднято в воздух чёрным змеиным хвостом. Места, где хвост обвил его, выглядели так, будто их обожгли. Это не было больно, но малыш-женьшень почувствовал гнев. Цинцзи, стоя на подоконнике, прижался к трёхногому котлу, а о малыше-женьшене... что ж, извини, но сейчас он едва может защитить себя, так что спасайся сам.

Малыш-женьшень, мучимый в воздухе, увидев, что Цинцзи так несправедлив, разозлился и показал ему средний палец. Этот жест он увидел по телевизору и спросил у Бессмертного, что он означает. Бессмертный ответил, что это грубость, и хорошим детям так делать нельзя. Но малыш-женьшень с белой кожей и красной сердцевиной крепко запомнил.

Чёрный дым постепенно рассеялся, но странный смех продолжался, звуча как скрежет металла. В центре двора появилась двуглавая змея с человеческим лицом! Её массивное тело было толщиной с бочку, а чёрная чешуя покрывала его, словно броня. Змея обвила двор, занимая почти всё пространство.

В это время шесть пилюль, которые Линь Сян убрал в ящик, также начали слабо светиться, словно переключаясь с демонической энергией двуглавой змеи.

<http://bllate.org/book/16777/1542456>